

Наталья Плахотнюк

ЧЕРНЫЙ МОНАХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА И БОРИСА АКУНИНА

Цель нашей статьи - сравнить повесть А. П. Чехова «Черный монах», написанную в 1893 году, и роман Б. Акунина «Пелагия и Черный Монах», впервые изданный в 2001 году. Ряд проблем, затронутых в этих произведениях, образов и

символов делают их сходными. На основании этого можно сделать вывод о том, что повесть А. П. Чехова стала прецедентным для автора «Пелагии и Черного Монаха» текстом. Постараемся определить, в чем заключается смысл обращения Бориса Акунина к, пожалуй, самой загадочной чеховской повести. По мнению Т. И. Тверитиновой, речь может идти о так называемых «филологических загадках», предлагаемых Акуниным его читателю. Исследовательница пишет о том, что, «стилизуя свои романы в духе какого-либо писателя-классика, Б. Акунии ведет читателя сквозь культурные слои русской и зарубежной литературы». «Б. Акунии, - продолжает она, - имитирует не только стиль русской классики, но и ее темы и идеи, правда, своеобразно их интерпретируя. Следует отметить, что реминисценции, аллюзии в романах писателя носят эксплицитный характер, облегчая читателю поиск ответа на филологические загадки писателя» [6, с. 458].

Сравним образы монахов. Они в значительной мере близки. Однако, на наш взгляд, у Бориса Акунина этот образ не настолько сложен и противоречив, как у А. П. Чехова.

Повесть А. П. Чехова «Черный монах» имеет философский и психологический характер. Поэтому и Черный монах в ней - образ-символ, он многозначен. Его можно толковать как сверхъестественное существо, как галлюцинацию главного героя, а также его второе «я». Если рассматривать этот образ как представителя потустороннего мира, то вновь мы приходим к выводу о его амбивалентности. Черный монах может быть истолкован и как посланник высших сил, и как искуситель Коврина.

Остановимся на деталях текста, которые указывают на святость Черного монаха. Первые выводы можно сделать из легенды, которую Андрей Васильич Коврин рассказывает Тане Песоцкой. Герой начинает ее словами: «Тысячу лет тому назад какой-то монах, одетый в чёрное, шел по пустыне...»[2,с. 198]. Из этого следует, что монах может быть представителем черного духовенства. Также в легенде важной является дата появления монаха: «... ровно через тысячу лет после того, как монах шел по пустыне»[2, с. 198]. На эту особенность обращает внимание И. Сухих в статье «Загадочный «Черный монах». Этот исследователь ссылается на цитату из «Откровения Иоанна Богослова»: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на свое чело и на руку свою. Они ожили и царствовали с Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не кончится тысяча лет. Это - первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом. Над ними смерть вторая не имеет власти; но они будут священниками Бога и Христа, и будут царствовать с Ними тысячу лет». Черный монах по смыслу легенды и оказывается таким «священником Бога и Христа», предвестником Страшного суда» [5,с. 118]. Светлая сущность монаха подтверждается легендой. Однако она не может быть достоверной, так как рассказывает ее сам Коврин и происхождение ее неизвестно.

Образ монаха может иметь и другую окраску. И. Сухих в статье «Загадочный «Черный монах» называет духа «зловещим предвестником смерти» [5, с. 119]. Исследователь приводит воспоминания Н. Телешова, относящиеся к 1888 году:

«А вот это разве не сюжет? - указал он (Чехов - И. С.) в окошко на улицу, где стало уже светать. - Вот смотрите: идет монах с кружкой собирать на колокол... Разве не чувствуете, как сама завязывается хорошая тема?... Тут есть что-то трагическое - в черном монахе на бледном рассвете...» [5, с. 119]. Эта точка зрения подтверждается особенностями композиции повести. Монах появляется всего четыре раза и каждое его появление становится поворотным моментом в жизни Коврина. Первое - условно является началом болезни Андрея Васильича, а последнее происходит прямо перед смертью. При этом композиция замыкается, что подтверждает роковую роль монаха.

Целый ряд деталей в тексте повести А. П. Чехова позволяет предположить, что монах искушает Андрея Васильевича, пробуждая в нем один из смертных грехов - гордыню. Повествователь не сообщает о каких-либо конкретных действиях, открытиях, достижениях, которые, по словам монаха, должен сделать Андрей Васильевич: «Вы же на несколько тысяч лет раньше введете его [человечество] в царство вечной правды — ив этом ваша высокая заслуга» [2, с. 215]. Очень редко в тексте встречаются общие фразы, которые являются более констатацией действия, чем подтверждением гениальности главного героя: «Он много читал и писал, учился итальянскому языку...» [2, с. 218]. О том, как Чехов вводит в текст информацию о работе Коврина подробно пишет М. И. Гореликова в статье «Семантические оппозиции в поэтике позднего Чехова: реальное- ирреальное, идол - идолопоклонник»: «Описание процесса работы «до лечения» (по несколько строк в 1-4, 6 гл.) ограничивается названием внешних, физических действий персонажа («читать», «делать заметки», «учиться», «работать», «браться за книгу или за свою рукопись», «сесть за работу») и констатацией количественно- временного признака («Он много читал и писал»). Единственная информация о направлении, содержании работы - в диалоге Коврина и Песочкокого: «Ты ведь все больше насчет философии? - Да. Читаю психологию, занимаюсь же вообще философией». Употребление предлога «насчет» и наречия «вообще» вводят элемент неопределенности в информацию, обозначенную существительным» [4, с. 35]. В то же время в тексте очень подробно описано эмоциональное состояние Андрея Васильича. Чехов делает акцент именно на том, как оценивает себя и свою работу сам Коврин во время болезни и после неё.

Трактовка образа монаха как искусителя опирается также на ассоциацию с другим известным в мировой литературе образом. В пьесе «Трагическая история доктора Фауста» Кристофера Марло Мефистофель появляется перед Фаустом в «одежде францисканца», то есть в черном хабите (монашеской рясе францисканцев). В таком случае возникает возможность соотнести образ Коврина с образом Фауста, который был создан для великих свершений, но в силу ограниченности человеческих возможностей (наличия предела в познании) был вынужден опираться на помощь демонических сил.

Особое внимание следует уделить репликам Черного монаха в ответ на вопросы Коврина. М. И. Гореликова в своей статье приводит пример основных утверждаемых монахом тезисов: «избранники божии - те, кто служит вечной прав-

де; вечная правда существует, так как существует вечная жизнь...» [4, с. 43]. Речь монаха кажется логичной, но он не стремится раскрыть значение упоминаемых им понятий для Коврина. Показательной является сцена во время первого разговора ученого с монахом: «Что ты разумеешь под вечною правдой? - Монах не ответил. Коврин взглянул на него и не разглядел лица: черты его туманились и расплывались. Затем у монаха стали исчезать голова, руки; туловище его смешалось со скамьей и с вечерними сумерками, и он исчез совсем» [2, с. 238]. Молчание монаха в данном случае является подтверждением необоснованности его слов.

Еще одна сторона образа Черного монаха -alter ego Коврина, плод его воображения и следствие болезни. В одном из разговоров с монахом главный герой говорит: «- Странно, ты повторяешь то, что часто мне самому приходит в голову, - сказал Коврин. - Ты как будто подсмотрел и подслушал мои сокровенные мысли» [2, с. 230]. На подобную потребность во внешнем подтверждении ценностей «я», вызывающую необходимость в наличии «другого», обратил внимание М. М. Бахтин, когда писал: «Этическая и эстетическая объективация нуждается в могучей точке опоры вне себя, в некоторой действительно реальной силе, изнутри которой я мог бы видеть себя как другого» [3, с.30].

Как пишет И. Сухих: «В письмах разным адресатам Чехов неоднократно повторял, что написал рассказ «медицинский», изобразил «одного молодого человека, страдавшего манией величия». <...> Можно с достаточной долей уверенности предположить, на какой конкретный источник опирался писатель при воспроизведении галлюцинаций магистра философии. «Первичное помешательство или первичное сумасшествие... Так называется болезнь, во время которой при довольно ясном сознании, на первом плане существуют первично развивающиеся бредовые идеи, из которых слагается определенный бред, т.е. ложное понимание и ложное толкование окружающего, причем этот бред склонен складываться в последовательную, более или менее стройную систему. <.. .> Бредовые идеи, раз появившись, обыкновенно неотвязно преследуют сознание. Больной не может оторваться от них, увлечен ими. Вследствие этого, конечно, изменяется и его поведение, хотя некоторые больные довольно долго могут продолжать свои обычные занятия, отдаваясь во все свободные минуты бредовым идеям» [5, с. 111-112]. Приведенная Игорем Сухих цитата из книги «Курс психиатрии» С. С. Корсакова в точности отражает состояние Коврина.

Среди указанных выше аргументов более убедительными являются те, которые говорят о болезни Коврина. Однако автор сознательно вводит второй план. Можно предположить, что введение фантастического помогает А. П. Чехову полнее отобразить внутренний мир героев, а двойственность создает необходимый контраст между картиной мира в сознании Коврина и реальностью. На наш взгляд, как не ограничивается воссозданием болезненного состояния психики Бромов, страдающего манией преследования, «Палата № 6», так и «Черный монах» будет истолкован предельно односторонне, если мы остановимся лишь на непосредственно психиатрической проблеме мании величия героя. «Черный монах» вводит читателя в круг психологических (действие бессознательного, особенности рефлекс

сии, душевное состояние человека, который из замкнутого пространства города перешел в свободное, гармоничное пространство имения, сада, дикой природы и т.д.), философских (смысл существования, предназначение и его реализация), непосредственно антропологических (гениальность и сумасшествие) и т.д. проблем. Оттого это произведение А. П. Чехова и привлекает наше внимание, что не может быть истолковано однозначно и одинаково всеми читателями.

Роман Бориса Акунина «Пелагия и Черный Монах» также имеет два плана: реальный и ирреальный. Однако существует особенность. В повести Чехова вопрос о понимании образа с точки зрения мистического либо материалистического мировосприятия перерастает в вопрос о том, является ли монах призраком, или последствием болезни главного героя, а, кроме того, что такое вообще «болезнь», если это то состояние, которое свойственно любому, кто проявляет индивидуальность и не растворяется в массе «нормальных» и «обыкновенных». Роман Б. Акунина является детективом, цель которого, в первую очередь, - заинтриговать, увлечь. В контексте ирреальности у Акунина сохраняется понимание Черного Монаха как духа. Но, если рассматривать образ в контексте реальности происходящего, он выступает не как плод чьего-то воображения, а как конкретно существующее лицо.

Присутствует также и другое отличие. Двойственность чеховского персонажа в плане его принадлежности к божественному либо дьявольскому началу мы рассматривали, говоря о его сверхъестественном происхождении. В интерпретации Акунина противоположные понятия «доброе» - «злое» соединены не только в образе духа, но и в реальном воплощении Монаха. Призрак святого Василиска, пугавшего монастырскую братию, изображали два человека: гениальный, но сумасшедший физик Лямпе с расстройствами речи и молодой человек, атеист Алексей Степанович Ленточкин. Лямпе решается на такие действия ради науки, а Ленточкин - из желания обогатиться. К убийствам, совершенным Черным Монахом причастен только Алексей Степанович. Таким образом, он является воплощением темной стороны Монаха, а физик Лямпе - светлой.

Общие черты наблюдаются во внешнем описании монахов. Но в основе утверждения о том, что Черный Монах в романе Акунина - это интерпретация образа Черного монаха, созданного А. П. Чеховым, лежит рассмотрение легенды о нем, которая, как и рассказ Коврина в повести Чехова, стала основой создания фантастического образа. Борис Акунин составляет более подробное жизнеописание Монаха. Это продиктовано необходимостью обратить внимание не только на его появление, но и сделать другие акценты, связанные с темой истинной и показной святости. У Чехова образ монаха важен с точки зрения его роли в жизни Коврина, поэтому акцент в легенде сделан только на его появлении. Но большинство компонентов отрывка из жития Василиска повторяют легенду, созданную Чеховым.

Монах у Антона Павловича в качестве миража «обошел» весь Земной шар: «Его видели то в Африке, то в Испании, то в Индии, то на Дальнем Севере...» [2, с. 215]. Черный Монах, созданный Борисом Акуниным также «Во искупление

прежних, преступно прожитых лет взял обет: обойти всю землю, пока не сыщется места, где он сможет лучше всего послужить Господу» [1, с. 11], - и выполнил это обещание.

В описании обоих монахов присутствует хождение по воде. У Чехова: «За несколько миль от того места, где он шел, рыбаки видели другого черного монаха, который медленно двигался по поверхности озера» [2, с. 215] и еще при первой встрече Коврина с духом отмечается, что «босые ноги его [Черного монаха] не касались земли» [2, с. 216]. А у Акунина: «... и пошел, вода прогибалась под ним, но держала...» [1, с. 12].

В контексте связанности происходящего с сакральным дух в романе Акунина предстает как явление святого. Но существуют детали, которые придают образу двойственность. Например, имя Василиск соотносится с существом из древнегреческой мифологии, которое несет смерть людям. В связи с этим можно сказать, что осмысление Монаха как предвестника смерти актуализируется в современной интерпретации. Каждое появление духа ознаменовано смертью или умственными расстройствами кого-либо из героев. В отличие от монаха в произведении Чехова, Акунин создал образ, который предсказывает не счастливое будущее для героя, а, наоборот, проклинает и говорит о греховности святых старцев.

Поводом для сомнений в правдивости явления духа становится в романе «Пелагия и Черный Монах» неизвестность происхождения сведений о Василиске, что также сближает роман с повестью Чехова. Однако у Акунина вопрос о подлинности явлений, связанных с потусторонним разрешается более однозначно благодаря авторскому обозначению жанра произведения. Вся серия, в которую входит рассматриваемый роман, имеет название «Провинциальный детектив». Жанр детектива предполагает полное разоблачение героев и всех загадочных событий в развязке произведения. Тогда как завязка обычно предлагает читателю именно ту тайну или загадку, которая будет раскрываться далее. В данном случае таким, характерным для детектива событием, является рассказ о появлении призрака Святого Василиска. Таким образом, ориентируясь на законы детективного жанра, читатель должен проявить сомнение в отношении образа духа.

Рассматривая особенности художественного пространства произведений также можно найти связь между ними. Она заключается а использовании схожих мифологических, архетипных компонентов. Авторы обоих произведений выбирают для событий фантастических особую местность, которая характеризуется замкнутостью и становится для героев воплощением «иногo» мира. Следует обратить внимание на то, что оба героя покидают свое привычное жизненное пространство, связанное с цивилизацией, городом. Таким образом, в особенностях художественного пространства находит отражение оппозиция: хаос - порядок (реальное - ирреальное). На фоне такой среды, где многие компоненты вносят оттенок мистики и присутствуют даже элементы, характерные традициям готического романа, происходят встречи с духами и раскрывается тема сумасшествия.

Эта тема является одним из основных компонентов, который делает рассматриваемые нами произведения схожими и дает основание для их сравнительного анализа. Проговаривание ее осуществляется хозяином психиатрической

клиники Коровиным: «Мои пациенты, разумеется, ненормальны, но это означает лишь, что они отклонены от некоей признаваемой обществом средней нормы, то есть необычнее, экзотичнее, причудливее «нормальных» людей». Такие идеи доктора Коровина о сопоставимости понятий гениальности, неординарности и сумасшествия соотносятся с идеями Коврина. Более того, соотносимы и образы этих героев. Их сближают такие элементы, как занятие психиатрией, «нарциссизм», который у Коврина перерос в манию величия, а также несчастливая любовь, пережитая героями.

Вопрос о сумасшествии и гениальности - основной компонент, связывающий два исследуемых нами произведения. Но в романе Бориса Акунина эта тема переходит в другую плоскость. Автор заставляет читателя задуматься не только о природе гениальности, но и о совместимости ее со злодейством. Эта мысль также выражена доктором Коровиным: «- Пушкина помните? Про несовместность гения и злодейства? Пример Есихина доказывает, что они отличнейшим образом совместны» [2, с. 248]. Пример, приведенный Донатом Савичем, достаточно убедителен, схожие ситуации можно найти во многих классических литературных произведениях. Однако в развязке Борис Акунин все же опровергает такую теорию. Достаточно сравнить описание Степана Ленточкина в начале произведения, где представлен умный и уверенный в своих силах молодой человек, и в конце романа. Алеша не смог понять опасность радиоактивного излучения, мечтая лишь об обогащении. Описываемые автором симптомы, несомненно, свидетельствуют о лучевой болезни, которая завершится смертью героя.

Выводы. Создавая роман о загадочных случаях в русской провинции XIX века, Борис Акунин постарался наиболее точно и полно воссоздать дух, язык, стиль той эпохи. Отсюда - обращение к классическим текстам. Кроме повести А. П. Чехова, это, несомненно, и «Соборяне» Н. С. Лескова, и другие произведения. Повесть А. П. Чехова важна и в другом отношении - в связи с атмосферой загадочности, которой окружена ситуация встречи героя с Черным Монахом, неоднозначности и неопределенности его образа. Что же касается философской наполненности этого образа-символа у Чехова, в первую очередь в связи с решением проблемы соответствия человека его предназначению, то она не была востребована Борисом Акуниным. Главным образом, в связи с особенностями детективного жанра его романа.

Литература

1. Акунин Б. Пелагия и Черный Монах / Б. Акунин. - М.: Астрель, 2012. - 461 с.
2. Чехов А. П. Повести / А. П. Чехов; сост. Н. Н. Аكوпова; предисл. М. П. Громова. - М.: Правда, 1983. - 448 с.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. - 424 с.
4. Гореликова М. И. Семантические оппозиции в поэтике позднего Чехова: реальное - ирреальное, идол - идолопоклонение / М. И. Гореликова // Филологические науки. - 1991. - № 5. - С.33-45.
5. Сухих И. Загадочный «Черный монах» / И. Сухих // Вопросы литературы. - 1983. - № 6. - С. 109-125.
6. Тверитинова Т. И. Провинциальный детектив в творчестве Б. Акунина / Т. И. Тверитинова // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания в школе и вузе. 2011: сб. научных работ / под общей ред. проф. Л. А. Кудрявцевой. - Киев, 2011. — С. 458-463.